

БОРИС ИВАНОВ

I

Я научу вас роли, —
 в ней текста нет
 и нет паролей.
 Без суеты
 и без стыда,
 как не стыдится рана,
 вы будете сидеть
 и слушать, как вода
 течет
 из крана.

2

Я на солнечном луче качался,
 с медвежатами пускался
 в облака.
 А теперь ~~я~~ сотрясаю паутину,
 и могу разбудить лишь
 паука.

3

Тайну скажу: все сбудется.
 Никто не болен,
 никто не глуп.
 Учись разговаривать с улицей
 без яда скептических губ.
 Это время монологов пройди,
 как лось переходит топь.
 И заново назови:

"Это Бог!"

"Это холоп!"

4

Все та же ночь, -
и ветер над мансардой,
и двери дрожь
от сквозняка,
и наши губы дремлют правдой -
так дремлют тихие над крышей
облака.

Невидимой толпы
мне слышен шум,
упрямый ход глухой работы, -
как будто в недрах Вельзевул
смелеет ночью
и подкопы
под корни травам
протянул.

5

Впрягают в телеги
трусливых
и тихих.
Даже не трогай
плеть.
Скажи им:
- Вы лошади.
Скажи и едь.

6

Без слов
и драмы
поставить надо
рамы,
вторые,
зимние.

7

Я пришел к тебе еще вчерашний,
кивающий налево и направо,
с голосом узким как щель.
И поэтому немного страшный
после этих страшных
недель.

8

Плакать,
как хочется плакать,
уткнувшись
в пьяную скатерть,
плакать и звать
братьев и мать,
женщин,
плачущих лунам,
и в плаче найти
непробудном
росы тихой страны,
где ходят по травам

пурпурным
смеющиеся табуны.

9

Льется в уши шепот времени,
кто-то дует мне в лицо,
боль в виске— словно прострелянном,
а в глаза: песок, песок.

10

Я разбудил себя,
себя одел в пальто,
поцеловал свой лоб
и вывел на дорогу...
Так от причала буксир уводит
беспомощные в реках корабли.

11

Что я, когда весь мир больница
и серебрится мертвый лед,
а ты, Аленушка, сестрица,
из шприца добываешь мед.

12

На что решился!
Что я сотворил!
Я все разъял
и все соединил
в фантазии
нетерпеливой и поспешной.
И этот мир,

и мир нездешний
меня от зла
освободил.

13

Сегодня я молчу
на раскладушке.
Бумага на полу,
и сигаретный дым.
Вот моль бредет
церковною старушкой,
а муха мчится
с гневом бредовым.

На дне.
Здесь тени тех,
кто выше, —
гребет веслом,
руками режет плёс.
Антенна там моя —
на крыше,
а тут чуть дышат —
через нос.

Сегодня я молчу.
Но если бы сказали,
— И завтра эта суть
тебе принадлежит.
Я закричу
последними словами:

— Пошли вы ...!

Еще я не убит.

Г4

Скорей столкнутся поезда,
ударит молния скорей
в раскрытый ворот мой,
погаснут звезды и глаза,
и след сотрет с земли прибой
других эпох, другой тоски,
историк, сочленяющий куски,
скорей сосуды наших жизней восстановит,—
но как душа без устали не бродит,
дом не найти ей,
а найдет— пустой.

И только в поездах, летящих в темноту,
вдруг с края, под фонарным светом...
секундным взглядом закричишь задетый,
и будешь повторять: я видел ту...
Я видел ту звезду, ее печали знаю,
и знаю, почему вагоны
мчали—
оставить под ребром
стрелу...

И все же завтра снова выйду ясен
навстречу брызгам нового дождя.
Я не скажу, что мир прекрасен
от солнца и до ржавого гвоздя.

Но прошепчу:

"Немым- заговорить!"

"Слепым- увидеть!"

"Убийце- не убить!"

Но я скажу:

"В уверенности шага
уж есть осу-щест- вле-ние
отца, бойца
и мага."

Мир- сотворим - вот заповедь от Бога.
Вот почему и снится мне дорога
и мир, еще который
нелюдим.

15

Кошмары шпагой проткнуть,
сдуть мифы свободным
вздохом,
глупца обрядить
скоморохом,
на рельсах бесечно
уснуть.

Черту
наставить рога,
скупца обойти
чашей,
Америку
назвать
"нашей",

любимой сказать
 "Пока!"...
 Потом, промотавшись,
 вернуться,
 и в водную гладь,
 смеясь, запускать
 восторгов легкие
 блюда.

16

Охрипли голоса друзей,
 лениво поднимаем веки,
 и не плывем, как прежде, через реки,
 на берегу
 ищем червей.

17

У слова "вечен"
 корень
 в центр планеты.
 Я понимаю вопли петухов,
 я понимаю пыль
 портретов
 и стоны забываемых стихов.
 Во тьме и без ответа
 легко ли рыть безмолвно
 плоть глубин?..
 Сегодня я один;
 сегодня все одни.

И сердце, жалуясь,
все просит глубины,
а разум- света.

18

ГИБЕЛЬ!—

кто кричит во мне,
когда в пути ночном,
когда пустынна жизнь,
которой я царь,
алчущий и величественный,
одинокий,
но не заключенный,—
потому шагающий у трона,
но не решившийся на то,
что составляет высокомерие власти царей.

ГИБЕЛЬ!—

крик жутко ликующий.
Он оповещает
о пределе моего царства.
Далее
идти нельзя.
Там сумерки.
Там движения смутны,
Там совершается несовершенное.
И все же
я ссутулился в размышлениях
о несовершенном.

ГИБЕЛЬ!—

И я возвращаюсь,
я сажусь на трон.
Я надеваю венец.
Я величественен:
я видел границы царства.
Всходит солнце—
и оно осветит все:
и след ящерицы,
гримасы старого орла
и бока усталых верблюдов.
Все освещено.
...Но я царь только ночью.

19

Здесь люди— страшные миры.
Губителен огонь их встреч.
Кому лозой,
кому золой,
кому мощами в землю лечь.
Кому в безумии потечь
багровым языком к созвездьям.
И не спасет
ни немь, ни речь,
а беглецу стопу подсечь
под крик погонь
осокой—лезвием.

20

Скажи, —
не прячься за туманами, —
не о любви,
не о тоске,
ты видишь ночью караваны,
которые
тонут в песке!
Скажи,
ты слышишь крик
погонщиков,
верблюдов гордых
скорбный стон,
набитый прахом
колокольчик
и ветра
горизонтный звон?
Скажи,
ты слышишь шорох
времени:
песок течет
в горле трубы,
и перезвон
чужого стремени,
как зов своей
судьбы?..

21

Нет ни дома,
ни берлоги.

Есть долг вечного присутствия.

Я не хочу проверять: не обманывают ли глаза,
я не буду оглядываться, — это правда, что
за спиной только пустота,
я не буду оглашать вселенную криком:

"Даже Бог не сделает меня марионеткой!"

Есть долг вечного присутствия, —
вот, что хочу повторить еще раз.

Я всегда з д е с ь — не возвращаюсь и не уйду.

Я смотрю, не мигая в огонь жизни.

Сострадание,

внимание,

бессоница...

Вечное присутствие.

24

В пене розового солнца теплеют камни,
лица выглядывают из-под шапок
как из небытия.

Тревога волнует меня —
стою на пороге миллиона воплощений
и знаю солнце наилучшее из всех.

У меня есть улыбка, и еще улыбка.

У встречных я буду странные воспоминания.

Во всяком случае, некоторые на секунду
принимают меня за знакомого.

Нужно ли что-нибудь совершить?

Избрать роль изобретателя шуток,
 торговца апельсинами,
 проводника инвалидов,
 или просто кормить птиц?..
 Я не хотел бы делать выбора.

25

Я демоном был и Богом,
 хребтом и долиною узкой,
 солдатом бывал и йогом,
 евреем был и русским.
 Я верил и не верил,
 смешил и от смеха скучал,
 я хлопал, рассерженный, дверью
 и в эти же двери стучал.

Большой цветной каруселью,
 нагой и одетый в мундир,
 и пьяный, и нежный, и битый
 запутанный вертится мир.
 И пьяный, и нежный, и битый
 на этой зеленой земле
 течешь, как ручей под раkitой
 и тащишь всю сущность в себе.

Песок и опавшие листья,
 и ветвь переспелых плодов,
 отвагу и страшные мысли,
 и тени больших городов.
 И моешь тяжелые камни,
 летишь вниз с шальной высоты,

запруды ломаешь, как ставни,
течь в лошадиные рты.

Я вижу свой путь от истока
до сини, где спит океан...
Любовь— знаю, только глубока,
а ненависть мчит по камням.
О, тайны большого молчанья,
великой беспечности суть,
улыбка больного отчаянием,
жизни веселая жуть!

26

Какие долги и кому я их должен платить?
Идущий— всегда беглец за проволоку ада.
Веки опущены, в пальцах бегущая нить,
и бьет по коленям косая струя водопада.

Скошены лица в вечном призыве: "Назад!"
И крик патруля, и ночная гроза волхованья.
Предательство вместо забот расставанья,
и памяти вместо— мести угрюмый парад.

Идущий— всегда беглец за проволоку ада.
Имя твое— моя путеводная нить...
Светает. Пора. Ничего мне не надо.
Всего лишь к ручью приклониться— и пить.

27

Не выдавай, рука, моих секретов,
И губы не скажите тайн моих,

останься сердце, латами одетое
и не броди по жилам страшный стих!

Пусть лягут пятаки в мои глазницы,
и ямой опадут мои виски.

Заройте глубже! Чтобы даже птицы
не разнесли вокруг моей тоски.

28

Неужели опять ничего не случится?!

Вечер придет на окна давить.

Ветер залива как смерть

постучится—

и плечи опустит

усталый Давид!

И в хаосе туч, и мести метели,

в ознобе страны

и в жалкости лиц—

судей увижу,

поднятых с постелей,

и взмахи карающих

десниц.

29

Как мне отдохнуть от ожиданий,

как не торопить

возможных встреч!

Ускоряя торжество свиданий,

не вышептывать

ночами речь!
 Как уйти с перрона?
 Как домой вернуться-
 стаканы

составить

в буфет,
 пледом на диване завернуться,
 знать, что в эти дни презжих
 нет!

30

Приходи большая кошка,
 в мой захламленный тупик.
 Глаз оранжевый- окошко
 в твой весенний нежный крик.
 И сквозь дым, пусть, сигаретный,
 дуются твои усы,
 с возмущением заметным
 тронь страницы и холсты.
 В полумраке на постели
 промурлычь на лампы свет.
 "Помнишь, как мы ночью ели
 старый сыр и черствый хлеб?"
 И когда мои признанья
 нестесненно потекут,
 на колени смело сядешь-
 весь мой жизненный уют.
 Мы друг друга не осудим
 и простимся не кляня.

Разное с тобою любим:
Я — весь мир,
А ты меня.

31

Вино стоит, и ночь идет к концу...
Как ароматен жизненный настой!
Я наполняю кубок пустотой
и радость о вном бродит по лицу.

Судьба, о боги, — золотая нить!
О трепетная нить долженствований:
приговоренность сеять и любить,
уверенность угроз и заклинаний!

Я эти капли выплесну на стол,
я руки брошу утреннему небу.
Благодарю за то, что я нашел,
благодарю за то, кем был и не был.

32

Мы говорим "закройте двери" жалобно.

Пар кофе,
на столе часы...

Но мир словно положен на весы —
все зыбко,
ненадежно,
палубно.

33

Венозной крови шипенье
меж уличных серых стен.
Какое бросает решенье
в плен крашенных сцен
и сирен!

И пыльные туфли снимая,
и лик повернувши к коври,
прохожий, холодный к добру,
мечтает по-детски о рае.

34

Дитя, ты видишь толпы эти!
Тебе ли их понять.

Ты видишь трубы скотобоен
и дыма эту прядь!

Дитя, ты видишь, мир огромен.
Тебе ли им играть?

35

Не каждый за столом
тебе внимает чисто,—
вот он сидит, разбрасывая сеть.
И ты увидишь, кто антихрист,
когда достанет сил
взлететь.

36

Правда— это большая женщина.
Приходит большое горе,

когда она
обещана.

37

Эй, перестаньте бубнить,
о чем вы, про что и зачем!
Дайте
похоронить
мое возвращенье ни с чем.
Мое возвращенье с равнин,
мое- из далеких странствий,
Я вернулся один,
но этим я и опасней.

Эй, садитесь за стол!
Водку, стаканы и стулья.
Я ничего не нашел,
ни в пустыне, ни в тундре.
Ни золота, ни добра,
ни Бога, ни правды, ни сути,
ни в землях, где пляшет мордва,
ни в землях коми и чуди...

38

Остались позади последние кварталы,
о ветер черный
нежилых равнин,
идет навстречу сквозняком погромным
и чертит уху
контуры руин

И нет звезды
 на дальнем небосводе,
 и нет огня
 в заснеженной дали,
 и нет друзей
 в моем новом походе,
 и нет вестей
 полуденной земли.

...Ах, все это души опасливой нитье-
 готовой изловчиться в пораженьи!
 Да здравствует лихое бытие
 и радость неисполненных движений!

Отверзи лучше крик,
 разбуженной пучины-
 пусть из груди моей
 раздастся древний глас:

Угу, седая ночь!
 Угу, камней морщины!
 Угу, равнина волчья,
 снега пляс!

39

Покой
 остановил движенье этих вод
 и этих облаков, уснувших над заливом.
 Луна ко мне идет навстречу вброд.
 Я другу говорю:
 "Смотри, как ночь красива!"

Простите, голубые дали,
 прости, глухая глубина,—
 сегодня вы спокойствие мне дали,—
 должно быть, велика моя вина,
 что сердце сжато,
 мысли яры,
 в руке отчаяния жест...

Какой покой!
 Неслышные удары.
 Прими душа
 от Бога благовест!

40

Снова в красном Прекрасная Дама.
 О высокий и гордый ствол!
 Ты сюда пришла по полянам
 и душа твоя— нагишом.

Эти боли еще не сломали
 твоих губ королевский изгиб.
 Твои очи еще не устали—
 веришь, принц твой еще не погиб.

41

Будет день— и отсею слова
 из лукошка своей души.
 И когда уснет голова
 на коленях этой земли,
 и когда стану я пустотой
 и пронзят ее крылья птиц,

я приду к тебе в сон как стон-
 единственный в тьме небылиц.
 И когда золотой песок
 истечет твоих дней, ты жди:
 ты услышишь мой нежный свисток
 и поверишь: все впереди.

42

Утяжеленные листвою деревья
 так пасмурны в бездомном сентябре...
 В ночных ветрах— проемы в мировые дебри.
 А я иду и не иду к тебе.

Я здесь стою, мой плащ терзает ливень.
 На камнях пляска пьяных струй.
 И понимаю: в каждом шаге бивни,
 ломающие твердь и пустоту.

"Иди!". Иду, перехожу границы,
 все ближе облаков далекая родня,
 и прыщут прочь испуганные птицы,
 и косны лица у домашнего огня.

Какие здесь бессмертия законы?
 О, как свободно здесь гуляет смерть!
 Здесь Бог в трудах могучих непреклонно
 из пустоты добра слагает твердь.

43

Игла времен
 прошла меня насквозь,

грохочет крышами
секундный ливень.
В одном мгновении
все собралось,
и весь бросаюсь
на слоновий бивень.

Какой замах!
Какой бедовый риск!
Я слышу визг
пробуренной породы.
И мне тепло
в год этой непогоды-
расхристан
и распахнут вдрызг.

Не добр я
и ныне- не щадящий.
Я оглашаю эту немоту,
и к солнцу, неминуче
заходящему,
я поднимаю
гордую трубу.

О день,
как утопающий корабль!
вздымающий из бездны
остров-нос,
и месяц огненный
декабрь,
почивший средь
замерзших роз!

44

Не нужно обладать дворцом,
чтобы на белых ступенях лестницы,
спускающейся к плебейству улицы,
закмуриться в легчайшем смехе
над пылью, зонтиками,
такси, кафе, —
над плотью,
ее началом и концом.

В зашторном полумраке,
в изгибах и изломах невероятной красоты
женщины — есть повод смеяться, с удивлением касаться
шеи и плеч,
есть повод смеяться от удивления.

Человек, потерявший речь,
в этом мире красоты и уютного
смеется, если не трус,
смеется, если он молод,
смеется, если бескорыстен.
Колокольчик смеха — единственный,
кто предупреждает его
о гениальной подделке.

45

Ты в эту тишину, — не будь так смел, —
с беспечною надеждой не входи:
она взорвется тысячами стрел —
и десять ты найдешь в своей груди.

И на траве, зажатый меж стеблями,
 услышишь в небе Гопода раскат,
 и хлынет с неба горький водопад,
 и вырастут молитвы тополями.
 Родись! Не упускай свой мир.
 Приветствуй боль, приветствуй Бога.
 Вот радуга— под аркою дорога,
 и слушай, что Креститель говорит.

46

История никогда никому не давала уроков.
 Ты тот, кого разбудили в Гафсиманском саду.
 Или ты тот, кто таясь в плаще широком,
 идет получить у кассира должную мзду.

Ты, Семеон Галилеянин, вечно, неумоимо
 встречаешь нечаянно несущего свежий свой крест.
 Никто никогда не узнает, какая причина
 тебя посылает бродить у этих опаснейших мест.

История никогда никому не давала уроков.
 Она— лишь подсказка живущему в этот день наш.
 И ты закричишь: "Распни!" с наступлением срока,
 или с вершины холма свой поведешь репортаж.

Ничтожества в вечном видят гримасы иронии:
 "Знаем!— Салют прогремит и опустят поваленный гроб.
 Знаем, могильщик нечаянно лопату уронит,
 когда соберется вытереть потный свой лоб."

Им, соглядателям, вечно толпою ходить.
 Мудрость пустая вечно полонит их рот.
 Нам тексты читать и там всегда находить:
 "И собрался народ..."

47

КАНОН

Прорезать высоту воздушного свеченья,
 закинув голову в прозрачный зенит, —
 и отступить, и закон паденья
 отталкивать во тьму, — в ней смерть звенит.

И помнить: на тебе дешевая одежда,
 и знать: что плоть для пули и ножа!
 Беспечно странствовать, как будто в мире нежность,
 а не с дубьем и вор и сторожа.

Псалмы и радости древнейших песен,
 и речь единую для судей и трибун
 нести в себе ~~по~~ горам и по лестницам,
 в движеньи мысли, в коридорах тюрем.

И верить: все заветное исполнится,
 смеяться черным маскам миражей...
 Все ниже голова к коленям клонится...

Канон исполнен.

Но Sidey !

+